

Межамериканский Суд по правам человека: обзор судебной практики за 2018 год

Оскар Парра Вера, Эдвард Хесус Перес*

В статье представлен краткий обзор наиболее важных дел, рассмотренных Межамериканским Судом по правам человека в 2018 году. В процессе правоприменения Суд сформулировал ряд значимых для региона позиций по межамериканскому праву. В первой части обзора в основном освещаются следующие вопросы: совместимость президентского помилования с нормами международного права в случае грубых нарушений прав человека; экономические, социальные, культурные права и обязательства по их развитию; надлежащая правовая процедура, обязанности присяжных заседателей при рассмотрении дел о сексуальном насилии; права женщин; международное усыновление (удочерение). Вторая часть посвящена судебной практике в двух странах – Колумбии и Мексике. Суд вынес много значимых решений, касающихся свободы слова, права на жизнь, ответственности государства за действия *ultra virus* со стороны государственных органов и должностных лиц, насильственных исчезновений во время содержания под стражей, сексуальных пыток, гендерных стереотипов, выполнения военными должностными лицами правоохранительной функции. В обзоре затрагивается определённый круг вопросов и правовых позиций Межамериканского Суда по правам человека, которые имеют значение не только для межамериканской системы, но и для других региональных механизмов защиты прав. Для целей исследования в статье представлены новеллы судебной практики 2018 года, в частности некоторые постановления, решения и консультативные заключения Суда.

→ *Межамериканский Суд по правам человека; 2018 год; надлежащая правовая процедура; ответственность государства; грубые нарушения прав человека; гендер; правоприменение*

DOI: 10.21128/2226-2059-2019-3-3-17

1. Помилование из соображений гуманности в отношении лиц, виновных в грубых нарушениях прав человека

30 мая 2018 года Межамериканский Суд по правам человека (*далее также* — Межаме-

риканский Суд, Суд, МАСПЧ) вынес постановление по делу о проверке исполнения приговоров в разбирательствах по делам *Барриос Алтос* и *Ла-Кантута*. Оба дела были возбуждены против государства Перу. В ходе их рассмотрения Суд оценивал совместимость с нормами международного права полномочий Президента по помилованию лиц, виновных в грубых нарушениях прав человека, по соображениям гуманности.

Дело касалось Альберто Фухимори — бывшего Президента Перу, приговорённого к отбыванию уголовного наказания за грубые нарушения прав человека, включая те, которые стали известны Межамериканскому Суду в процессе рассмотрения судебных споров

* *Парра Вера Оскар* — мировой судья Особого судебного присутствия по установлению и поддержанию гражданского мира в Колумбии; бывший координатор в Секретариате Межамериканского Суда по правам человека, Богота, Колумбия (e-mail: oscarjrv@yahoo.es). *Хесус Перес Эдвард* — старший юрист Межамериканского института социальной ответственности и прав человека, Каракас, Венесуэла (e-mail: edward.jp@gmail.com). Перевод с испанского *Екатерины Александровны Лунёвой*.

*Барриос Альтос*¹ и *Ла-Кантута*². В обоих случаях в качестве средства правовой защиты рассматривались обязанности государства по проведению расследования и судебного разбирательства, а также по назначению соответствующего наказания за грубые нарушения прав человека, которые рассматривались в вышеназванных делах. В силу этих обязанностей в Перу в 2009 году Альберто Фухимори был приговорён к лишению свободы сроком на 23 года.

В декабре 2017 года Президент Перу объявил о помиловании Альберто Фухимори из соображений гуманности. Решение о помиловании стало предметом рассмотрения в Межамериканском Суде в связи с заявлением представителей жертв о том, что акт прощения противоречил приговору. В результате разбирательства в 2018 году было вынесено постановление.

В частности, Межамериканский Суд постановил, что само по себе помилование из соображений гуманности не противоречит ни приговорам, ни международному праву в области прав человека. Изучив ряд дел из собственной практики и практики Европейского суда по правам человека, а также соответствующие нормы международного уголовного права и положения законов других государств — участников Американской конвенции о правах человека, Суд пришёл к следующему выводу: «В международном праве в области прав человека и международном уголовном праве наблюдается тенденция к прекращению или отмене исполнения приговоров по уголовным делам за совершение грубых нарушений прав человека по причине помилования, которое на своё усмотрение объявляет исполнительная или законодательная власть. Исходя из этого, Суд считает, что при рассмотрении вопроса о том, препятствует ли применение правового института «помилования из соображений гуманности» выполнению обязанности по проведению рас-

следования, судебного разбирательства и по назначению соответствующего наказания за подобные нарушения, следует оценивать факт необоснованного и несоразмерного ограничения права жертв и членов их семей на доступ к правосудию с учётом соразмерности назначенного наказания и его исполнения... В Перу “помилование из соображений гуманности” позволяет исполнительной власти отменить, следуя принципу гуманизма, уголовное наказание, назначенное судом за грубые нарушения прав человека...»³

Суд указал, что для оценки соответствия помилования из соображений гуманности нормам международного права в области прав человека необходимо определить, оказывает ли подобный акт отмены наказания несоразмерное влияние на право жертв на доступ к правосудию. Судом уже подчёркивалось, что уголовному наказанию за грубое нарушение прав человека не могут подвергаться лица, чья вина в содеянном не доказана, а само наказание не может становиться иллюзорным в ходе исполнения приговора, по которому мера наказания является соразмерной⁴. В рассматриваемом деле Суд оценивал 1) наличие средств правовой защиты для охраны жизни и физического здоровья лиц, лишённых свободы; 2) право на доступ к правосудию жертв грубых нарушений прав человека; 3) возможность проведения судебной проверки в отношении решения Президента о помиловании из соображений гуманности.

Ввиду вышеизложенного Суд пришёл к выводу о том, что «властям страны следует решить вопрос, предусматривает ли перуанская правовая система, помимо помилования Президентом, иные средства правовой защиты, обеспечивающие защиту жизни и физического здоровья Альберто Фухимори, осуждённого за грубые нарушения прав человека, в случае, если у него действительно ухудшается состояние здоровья, а условия содержания под стражей ставят его жизнь под угрозу. Надлежит определить, какая мера является наиболее подходящей с точки зре-

¹ Corte Interamericana de Derechos Humanos (*далее* — Corte IDH). Caso *Barrios Altos vs. Perú*. Fondo. Sentencia de 14 de marzo de 2001. Serie C No. 75. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/Seriec_75_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

² Corte IDH. Caso *La Cantuta vs. Perú*. Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 29 de noviembre de 2006. Serie C No. 162. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_162_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

³ Corte IDH. Caso *Barrios Altos y Caso La Cantuta vs. Perú*. Supervisión de Cumplimiento de Sentencia. Resolución de la Corte Interamericana de Derechos Humanos de 30 de mayo de 2018. § 45. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/supervisiones/barriosaltos_lacantuta_30_05_18.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

⁴ Ibid. § 47.

ния соблюдения принципа соразмерности и права жертв на доступ к правосудию»⁵.

2. Уточнение практики Межамериканского Суда в отношении экономических, социальных, культурных прав, в частности права на здоровье

В 2017 году по делу *Лагос-дель-Кампо* и делу *Trabajadores Cesados de Petroperú* об увольнении сотрудников государственной компании Petroperú Межамериканский Суд впервые в своих постановлениях разрешил вопрос о возможности защиты в судебном порядке экономических, социальных и культурных прав на основании статьи 26 Американской конвенции о правах человека (*далее также* — Американская конвенция, Конвенция).

В 2018 году эта практика повторилась в деле Сан-Мигеля Сосо и деле Полбете Вильчеса, получив закрепление и разъяснение в деле *Кускуль Пивараль и другие против Гватемалы*, в котором Суд уточнил пределы действия статьи 26 Конвенции и конкретные обязательства государств в отношении обеспечения гарантий соблюдения и защиты экономических, социальных, культурных и экологических прав в соответствии с положениями вышеуказанной статьи.

При этом Суд применил толкование, предусмотренное Американской конвенцией и Венской конвенцией о праве международных договоров, и определил, что «буквальное, системное, телеологическое толкование приводит к выводу о том, что статья 26 Американской конвенции защищает такие права, которые вытекают из социальных, экономических норм, норм в сфере образования, науки и культуры, содержащихся в Уставе [Организации американских государств (*далее также* — ОАГ)]. Объем этих прав следует рассматривать во взаимосвязи с другими положениями Конвенции в части общих обязательств, содержащихся в статьях 1.1 и 2; права могут стать предметом проверки со стороны... Суда по смыслу статей 62 и 63 указанного международного договора. Данный вывод основывается на вопросах формально-

го применения, а также напрямую вытекает из неделимости и взаимозависимости гражданско-политических, социальных, экономических, культурных, экологических прав, из факта соответствия цели и предмета Конвенции защите основных прав человека. Соответственно, по каждому конкретному делу, в котором требуется анализ экономических, социальных, культурных и экологических прав, необходимо определить, затрагивается ли, прямо или косвенно, предусмотренное Уставом ОАГ право человека, находящееся под защитой статьи 26 Американской конвенции, и установить пределы такой защиты»⁶.

Таким образом, Суд определил, что 1) только те экономические, социальные, культурные права, которые вытекают из соответствующих норм, содержащихся в Американской конвенции, 2) подлежат обеспечению в соответствии с обязательствами по поводу гарантий соблюдения и уважения прав, содержащихся в статье 1.1 Конвенции, и 3) наряду с этим, государства должны привести внутренний правопорядок в соответствие с нормами и практикой соблюдения рассматриваемых прав; 4) наконец, Межамериканскому Суду следует в каждом конкретном деле решать вопрос о возможности защиты в судебном порядке отдельно взятого права на основании статьи 26 Конвенции.

В своём решении Межамериканский Суд впервые подробно остановился на содержании принципа прогрессивности осуществления экономических, социальных, культурных прав. Суд указал, что в отношении этих прав можно выделить два вида обязательств: обязательства непосредственного применения и обязательства прогрессивного характера. При этом последнее из них предполагает «проявление необходимой гибкости, отражающей реалии мира и трудности, с которыми сталкивается каждая страна при обеспечении эффективного осуществления прав»⁷.

Суд также определил, что с учётом такой гибкости в отношении сроков и условий реализации, но не ограничиваясь ею, государство обязано предпринимать какие-либо дей-

⁵ Corte IDH. Caso *Barrios Altos y Caso La Cantuta vs. Perú*. § 68.

⁶ Corte IDH. Caso *Cuscul Pivara y otros vs. Guatemala*. Excepción Preliminar, Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 23 de agosto de 2018. Serie C No. 359. § 97. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_359_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

⁷ Ibid. § 141.

ствия, то есть внедрять меры и обеспечивать необходимые условия и средства для выполнения требований эффективного осуществления рассматриваемых прав, исходя из наличия финансово-экономических ресурсов, с целью исполнения принятого на себя соответствующего международного обязательства. Так, в отношении прогрессивного характера реализации мер может встать вопрос об ответственности государства, и в этом случае невыполнение данного обязательства может быть обжаловано в вышеназванных инстанциях с целью пресечения соответствующих нарушений прав человека⁸.

В этой части Суд заключил, что обоснованное отступление от принципа отсутствия обратной силы не всегда предполагает ограничение прав. Суд принял позицию Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о том, что «намеренно регрессивные меры в этом аспекте требуют наиболее тщательного рассмотрения и полного обоснования с учётом всей совокупности прав, предусмотренных Пактом [Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах], а также условий полного использования максимально доступных [государству] ресурсов». Суд подчеркнул, что принцип отсутствия обратной силы является обоснованным постольку, поскольку речь идёт об экономических, социальных, культурных и экологических правах⁹.

В частности, при рассмотрении международно-правовой ответственности Гватемалы за применение мер с обратной силой в вопросах доступа к лечению людей, заражённых ВИЧ, Суд определил следующее: «Суд вновь отмечает, что обязательства постепенной реализации экономических, социальных, культурных и экологических прав предполагают непрерывное проведение мероприятий по их защите. Притом что признаётся прогрессивный характер реализации прав, предполагается также постепенное улучшение условий осуществления и соблюдения этих прав путём устранения социального неравенства и содействия включению в процесс защиты уязвимых групп. Следуя этой логике, принцип постепенной реализации запрещает бездействие власти в выполнении задачи по проведению

мероприятий для обеспечения всесторонней защиты прав, особенно в тех областях, где отсутствие государственной защиты ставит людей перед лицом неминуемой угрозы жизни или физическому благосостоянию. Эта угроза возникает в отношении заражённых ВИЧ-инфекцией людей, которые не получают надлежащей медицинской помощи. Исходя из этого, Суд считает, что государство нарушает свои обязательства по Конвенции в отношении их постепенной реализации, поскольку не была сформулирована и закреплена государственная политика, а именно программы, которые бы *de facto*, а не только *de jure*, позволяли совершенствовать выполнение обязательства по обеспечению эффективного осуществления права на здоровье.

На самом деле, момент выполнения государством указанной обязанности устанавливается с учётом особенностей национального законодательства и наличия ресурсов. При этом Суд подчёркивает, что недостаточный объём возможностей государства по обеспечению эффективного осуществления экономических, социальных, культурных и экологических прав не оправдывает бездействие в отношении их защиты»¹⁰.

В связи с этим Суд постановил, что Гватемала несёт международно-правовую ответственность за нарушение принципа постепенной реализации гарантий прав, потому что, несмотря на совершенствование соответствующих нормативных положений, государственное лечение ВИЧ-инфицированным лицам длительное время не было доступно.

3. Особенности рассмотрения судом присяжных дел, связанных с сексуальным насилием

Межамериканский Суд также впервые оставил своё внимание на судебных гарантиях при рассмотрении дел судом присяжных. Так, в деле *В.Р.Л., В.П.К. и другие против Никарагуа* требовалось проанализировать гарантии мотивированного отбора и беспристрастности присяжных. Суд пояснил, что в каждом конкретном случае необходимо оценивать «условия процедуры, её значение, природу и особенности отдельно взятой пра-

⁸ Corte IDH. Caso *Cuscul Pivaral y otros vs. Guatemala*. § 142.

⁹ Ibid. § 143.

¹⁰ Ibid. § 146–147.

вовай системы»¹¹, поскольку Конвенция не определяет единой модели судебного разбирательства.

Во-первых, Суд установил, что гарантия беспристрастности, предусматривающая, что все члены суда не имеют прямой заинтересованности в исходе дела, заранее сформированных позиций или предпочтений в отношении какой-либо из сторон и не являются участниками спора, внушает должное доверие как сторонам процесса, так и гражданам демократического общества, и это требование в равной степени относится и к присяжным заседателям¹². В связи с этим Суд подчеркнул важное значение отбора присяжных (англ.: *voir dire*) — процедуры, в ходе которой может быть оспорена их беспристрастность, особенно в вопросах сексуального насилия, «в целях выявления ложных предубеждений и суждений присяжных, которые могут отрицательно сказаться на оценке конкретного дела под влиянием сложившихся в обществе мифов и предрассудков»¹³. Суд посчитал, что проведение слушания о прекращении разбирательства в отсутствие госпожи В.Р.П., приостановка дела и тот факт, что другой адвокат не был допущен к участию в судебном процессе, сами по себе не являются нарушением гарантии беспристрастности. Подобным нарушением было бы признано вручение присяжным перед заседанием конверта с неизвестным содержанием.

С другой стороны, в отношении мотивированного отбора Суд выразил предпочтение критерию Европейского Суда по правам человека, заключающемуся в том, что отсутствие экстернализации в основе вердикта не всегда нарушает обязательное требование мотивированного отбора. По сути, МАСПЧ определил, что «внутреннее убеждение не является произвольным критерием. Независимая оценка присяжного не намного отличается от той, которую может дать профессиональный судья. Точнее говоря, любой суд (профессиональный или народный) должен воссоздать события прошлого при помощи

логики и методики, характерной для любого человека, независимо от юридического образования или обучения. Сталкиваясь с задачей воссоздания действия в прошлом, любой человек, осознанно или неосознанно, использует исторический метод, то есть на первом этапе выделяет доказательства, которые следует учесть (эвристический подход); потом оценивает, не являются ли эти доказательства материально ложными (внешняя критика); затем определяет состоятельность содержания доказательств (внутренняя критика); и, наконец, прибегает к методу синтеза. Оценивающий вердикт присяжного обязательно должен воссоздать этот путь, и для отклонения решения недостаточно просто применить критерий критики. Нужно удостовериться в том, что синтез отходит от историко-методологической логики», что и имело место в рассматриваемом деле¹⁴.

По мнению Суда, следует решить вопрос о том, были ли обеспечены в уголовном процессе гарантии защиты от произвольной оценки, позволяющие понять причины вынесения вердикта не только обвиняемому, но и потерпевшему или стороне обвинения. По сути, необходимость того, чтобы обвиняемый, жертва или сторона обвинения понимали мотивы вынесения присяжными заседателями оправдательного или обвинительного вердикта, сохраняет актуальность в качестве гарантии защиты от произвольной оценки¹⁵.

В отношении дел, касающихся сексуального насилия, Суд также привёл ряд конкретных соображений, принимаая во внимание особый характер насильственных действий, трудности с доступом к доказательствам и существующие стереотипы, поскольку «присяжные склонны к переносу собственных предрассудков и идей на процесс разбирательства по делу и подвержены их влиянию при оценке правдивости показаний жертвы и вины обвиняемого, что особенно характерно для тех присяжных, которые не подготовлены к рассмотрению подобных преступлений»¹⁶. Суд более подробно рассказал о гарантиях защиты от произвольной оценки: «Ввиду вышесказанного для судебных процессов с участием присяжных заседателей некоторые

¹¹ Corte IDH. Caso *V.R.P., V.P.C. y otros vs. Nicaragua*. Excepciones Preliminares, Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 8 de marzo de 2018. Serie C No. 350. § 226. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_350_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

¹² Ibid. § 239.

¹³ Ibid. § 245.

¹⁴ Ibid. § 262.

¹⁵ Ibid. § 263.

¹⁶ Ibid. § 264.

развитые системы предусматривают меры по снижению такого воздействия. Например, принимаются во внимание показания экспертов и проводится проверка противоречивости вердикта с целью предоставления присяжным информации об особенностях преследуемых по закону действий для максимально объективной оценки доказательств. Более того, профессиональный судья должен пояснить присяжным, как следует работать с доказательствами и вопросами, на которые надо ответить в итоговом решении. С другой стороны, в некоторых правопорядках предусмотрена специальная процедура, известная в англосаксонской системе как *voir dire* — предварительный отбор присяжных, в ходе которой стороны вправе исключать тех лиц, которые либо частично, либо полностью не подходят для разрешения дела»¹⁷.

В итоге Суд установил нарушение судебных гарантий по произвольной оценке в рассматриваемом судебном процессе в силу того, что «уголовно-процессуальный кодекс не содержит чётких указаний в отношении разъяснения профессиональным судьёй роли присяжных, вопросов, разрешаемых ими при вынесении вердикта, процедуры проверки противоречивости вердикта, то есть всех тех мер, которые бы обеспечили рациональность решения и стали гарантиями защиты от произвольной оценки»¹⁸.

4. Развитие позиции по правам женщин

Суд вынес три постановления по вопросам, связанным с правами женщин, в следующих делах: дело *Женщины — жертвы сексуальных пыток в Атенко против Мексики*, дело *Лопес Сото против Венесуэлы*. Разбирательства, касающиеся дел женщин — жертв пыток сексуального характера, рассматриваются в другом разделе статьи.

Дело *В.Р.П., В.П.К. и другие против Никарагуа* имеет важное значение с точки зрения закрепления гарантий проведения расследования и уголовного преследования противоправных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней жертвы в ходе уголовного процесса с участием суда присяжных. В этом деле по факту отсутствия

расследования, уголовного преследования и наказания за изнасилование несовершеннолетней девушки Суд постановил следующее: «Государство должно усилить гарантии защиты в ходе расследования и уголовного процесса, если речь идёт об изнасиловании несовершеннолетней, особенно в семье, то есть в той среде, где ребёнок должны были защищать. В подобных случаях требуется максимальное выполнение обязательств по проявлению должной осмотрительности и принятию охранных мер. Кроме того, при проведении расследования и уголовного преследования государство должно ориентироваться на пол и возраст ребёнка, состояние жертвы, отягчающие обстоятельства и последствия изнасилования несовершеннолетней»¹⁹.

Суд отметил, что «властям Никарагуа следовало принять меры для защиты В.Р.П. от дальнейшего причинения вреда в процессе расследования, руководствуясь тем, что все принимаемые решения должны подчиняться главной цели — всесторонней защите прав несовершеннолетней, предоставлению гарантий для развития, наилучшего обеспечения её интересов и предотвращения вторичной виктимизации»²⁰.

В плане принятия конкретных мер в случаях сексуального насилия в отношении несовершеннолетних государства обязаны проводить расследование с должной осмотрительностью, принимая во внимание особую защиту, которая требуется несовершеннолетним ввиду их состояния. При этом подчёркивается право жертвы на участие в процессе, который не должен повлечь никаких негативных последствий, право на предоставление квалифицированной помощи адвоката, предотвращение вторичной виктимизации, оказание медицинской, психологической и психиатрической помощи на протяжении всего уголовного процесса, создание условий, не являющихся запугивающими или враждебными, привлечение психолога или специалиста в соответствующей области для общения с ребёнком, проведение не более одного обследования.

Суд вновь обратился к вопросам уголовного расследования актов насилия в отношении женщин в деле *Лопес Сото*, которую по-

¹⁷ Corte IDH. Caso *V.R.P., V.P.C. y otros vs. Nicaragua*. § 265.

¹⁸ Ibid. § 267.

¹⁹ Ibid. § 292.

²⁰ Ibid. § 294.

хитили в сексуальное рабство. В этой связи Суд указал следующее: «...при оценке выполнения государством своей обязанности по проявлению должной осмотрительности с целью предотвращения актов насилия Суд принимает во внимание то, что факты касаются заявленного насилия в отношении женщин; это обстоятельство требует более широкого применения принципа должной осмотрительности, не ограничиваясь рамками конкретного дела, и, соответственно, принятия целого ряда различных мер не только в целях предотвращения конкретных актов насилия, но и для искоренения всех проявлений гендерного насилия в будущем»²¹.

В частности, по факту похищения жертвы Суд указал, что «сообщение о похищении или исчезновении женщины должно приводить к немедленному выполнению обязанности по проявлению должной осмотрительности со стороны государства во всех ситуациях, которые ведут к совершению насилия в отношении женщин и влекут за собой особо уязвимое положение в случае актов сексуального насилия, что само по себе несёт угрозу жизни и здоровью женщины вне зависимости от определённых обстоятельств»²².

В рассматриваемом деле Суд постановил, что потерпевшая стала жертвой сексуального рабства. МАСПЧ впервые разъяснил понятие сексуального рабства как «частной формы рабства, при которой сексуальное насилие играет доминирующую роль в осуществлении права собственности над человеком». Запрет сексуального рабства содержится в статье 6.1 Конвенции. Суд определил следующие признаки сексуального рабства: «i) осуществление права собственности в отношении человека; ii) действия сексуального характера, которые ограничивают или сводят на нет сексуальную автономию личности»²³. Суд также определил, что жертва подвергалась сексуальным пыткам при согласии отдельного лица, то есть фактически с согласия государства.

В отношении расследования указанных действий Суд выделил ряд механизмов реали-

зации обязанности государства по защите женщин — жертв насилия в целях обеспечения эффективного доступа как к правосудию, так и к услугам здравоохранения, среди которых важную роль играют: «i) обеспечение безопасных и доступных условий для подачи жертвами заявлений о случаях насилия; ii) создание системы мер непосредственной защиты, гарантирующей непосредственность жертв; iii) оказание бесплатной юридической помощи жертвам на всех стадиях судопроизводства; iv) оказание жертве медицинской и психологической помощи; v) внедрение механизмов социальной и материальной поддержки (через систему приютов или убежищ) в краткосрочной и среднесрочной перспективе»²⁴. Кроме того, Суд указал, что «проявление должной осмотрительности органами власти в вопросах обеспечения доступа к правосудию предусматривает наличие нормативно-правовых положений и практик, позволяющих эффективно действовать и реагировать в случае поступления заявлений о совершении насильственных действий. Следовательно, укрепление действенности соответствующих институтов также является ключевым элементом повышения эффективности государственных мер и профилактики вторичной виктимизации»²⁵.

Кроме того, Межамериканский Суд признал, что государство несёт международно-правовую ответственность за нарушение гарантий надлежащего судебного разбирательства, поскольку в ходе уголовного процесса, возбуждённого против обвиняемого в рабстве и сексуальных пытках в отношении жертвы, в момент его оправдания была принята во внимание предшествующая сексуальная жизнь жертвы, что дискредитировало доказательственную ценность заявлений последней в отсутствие иных доказательств её слов. МАСПЧ указал следующее: «Суд напоминает, что гарантией доступа к правосудию для женщин, ставших жертвами сексуального насилия, должно быть закрепление правил оценки доказательств, исключающих стереотипные утверждения, указания, намёки. Суд подчёркивает, что подобная практика, принижающая жертву из-за негативного стереотипа и нивелирующая ответственность винов-

²¹ Corte IDH. *Caso López Soto y otros vs. Venezuela*. Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 26 de septiembre de 2018. Serie C No. 362. § 136. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_362_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

²² Ibid. § 145.

²³ Ibid. § 179.

²⁴ Ibid. § 222.

²⁵ Ibid. § 224.

ных лиц, должна отрицаться и квалифицироваться как несовместимая с международным правом в области прав человека. Соответственно, Суд отвергает любую государственную практику, оправдывающую насилие в отношении женщин и возлагающую вину на самих жертв, практику, при которой оценка заявлений носит произвольный, дискриминационный характер, обусловленный поведением жертвы исключительно в силу её половой принадлежности»²⁶.

5. Права детей, процесс международного усыновления и борьба с коррупцией

Дело *Рамирес Эскобаа и другие против Гватемалы* касалось разделения семьи и последующего усыновления детей на основании заявления об отказе от них.

По вопросу заявления об отказе от детей Суд определил, что в ходе разбирательства государство не только нарушило требования внутреннего законодательства, но и не обеспечило меры для выяснения позиции каждого из родителей. На самом деле, власти даже не попытались связаться с отцом детей — Рамиресом Эскобаром. В этом смысле заявление об отказе от детей было сделано без надлежащего расследования и обоснования. Суд также подчеркнул, что при отказе от родительских прав дети не должны превращаться из субъектов в объекты права.

По вопросу усыновления Суд подробно остановился на теме международного усыновления (удочерения): «Международное усыновление (удочерение) — это постоянная форма ухода за ребёнком, которая может рассматриваться как одна из возможных мер охраны детей в качестве альтернативы воспитанию в семейном кругу в соответствии со статьёй 19 Американской конвенции. В отличие от других форм постоянного устройства, международное усыновление (удочерение) разделяет ребёнка не только с его семьёй, но и со страной. В силу этого международное право требует соблюдения ряда материальных и процессуальных требований на всех этапах процедуры усыновления в целях защиты прав человека и наилучшего обеспече-

ния интересов ребёнка, которого собираются усыновить (удочерить) в другом государстве»²⁷.

Суд определил, что при оценке соответствия международного усыновления нормам права необходимо учитывать выполнение следующих требований: «i) проверка законности усыновления (возможности усыновления); ii) оценка наилучшего обеспечения интересов ребёнка как решающего и первостепенного фактора при принятии решения об усыновлении (высший интерес ребёнка); iii) гарантированное право ребёнка быть выслушанным (заслушанным); iv) санкционирование международного усыновления только после подтверждения невозможности предоставления ребёнку надлежащего ухода в стране рождения или проживания (субсидиарность); v) проверка на предмет того, что никакое физическое или юридическое лицо не получит необоснованной экономической выгоды на одном из этапов процедуры усыновления (запрет на получение необоснованной экономической выгоды)»²⁸.

Более того, это решение позволило Межамериканскому Суду впервые озвучить свою позицию по вопросу влияния коррупции на права человека. В этой связи Суд отмечает негативные последствия коррупции и препятствия для реализации и эффективного осуществления прав человека, а также тот факт, что коррумпированность властей или частных поставщиков государственных услуг особенно сказывается на уязвимых группах. К тому же коррупция затрагивает не только права отдельных пострадавших лиц, но и интересы общества в целом, поскольку подрывает доверие народа к правительству и, в конечном счёте, к демократическим устоям и принципам верховенства права. Так, в преамбуле Межамериканской конвенции о борьбе с коррупцией говорится о том, что представительная демократия, являясь существенным условием для стабильности мира и развития региона, по своей природе требует борьбы с любой формой коррупции в служебной деятельности, а также с иными видами взяточ-

²⁶ Corte IDH. Caso *López Soto y otros vs. Venezuela*. § 238–239.

²⁷ Corte IDH. Caso *Ramírez Escobar y otros vs. Guatemala*. Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 9 de marzo de 2018. Serie C No. 351. § 201. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_351_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

²⁸ Ibid. § 208.

ничества, имеющими непосредственное отношение к ней.

«Суд отмечает, что государства обязаны принимать меры для предотвращения, наказания и искоренения коррупции эффективным и действенным образом. Однако, как упоминалось ранее, система защиты детей и действующие в Гватемале механизмы усыновления на тот момент были далеки [от того уровня, на котором они должны поддерживаться государством в связи с соответствующими обязанностями], и создавали возможности для формирования и функционирования в стране сетей незаконного усыновления. Настоящее дело является ярким примером сложившейся ситуации. Суд подчёркивает, что международное усыновление имело место в условиях коррупции, когда государственные служащие и учреждения, а также частные организации, прикрываясь принципом наилучшего обеспечения интересов ребёнка, на самом деле преследовали цель собственного обогащения. Механизм, который создавался и использовался для незаконного усыновления, в частности в ущерб интересам малообеспеченных, оказывал серьёзное негативное воздействие на осуществление прав человека детьми и их биологическими родителями»²⁹.

Наконец, Межамериканский Суд вынес оценку относительно возможности считать оспариваемые действия направленными на усыновление, определив, что достаточных доказательств для такого вывода нет, но есть основания для возникновения у государства обязанности проведения расследования в отношении возможного ущемления интересов детей Рамиреса. В своём решении Суд указал следующее: «Преступление “торговля людьми” совершается “с целью эксплуатации”. При этом цель не ограничивается эксплуатацией определённого рода, такой как принудительный труд или сексуальная эксплуатация, а может принимать иные формы. Такое толкование соответствует принципу индивидуального подхода и эффективного использования запрета на торговлю людьми, в отношении которой — с учётом тяжести преступления — применяется максимальная защита от многочисленных форм эксплуатации людей. Это также вытекает из определения “торгов-

ля людьми”, данного в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё (Палермский протокол), в котором прямо говорится о том, что как минимум предполагается эксплуатация. Соответственно, не существует исчерпывающего перечня возможных целей эксплуатации при совершении такого преступления, как торговля людьми... Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что незаконное усыновление (удочерение) может составлять цель эксплуатации в случае торговли людьми. Незаконное усыновление само по себе не является преступной торговлей людьми, но когда вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей... совершаются для содействия или совершения незаконного усыновления, то это может квалифицироваться как торговля людьми. Так, дилер совершает эти действия с целью эксплуатации ребёнка, превращая его в объект незаконного усыновления. По мнению Суда, в этой ситуации для установления факта торговли людьми незаконное усыновление ребёнка не обязательно должно быть нацелено на последующую эксплуатацию, такую как принудительный труд или сексуальная эксплуатация, поскольку она проистекает из факта коммерциализации ребёнка в ущерб его интересам обманным или нечестным путём на этапах до, в ходе и после усыновления»³⁰.

6. Решения по делам против Колумбии

Суд принял ряд значимых решений по делам против Колумбии. В частности, в 2018 году Суд вынес постановления по делам Карвахала, Исаса Урибе, Вильямисара Дурана и Омеара Караскаля³¹, которые содержат несколько важных элементов практики применения норм права.

6.1. Связь между правовыми гарантиями, свободой выражения мнения и правом на жизнь

В деле Карвахала Межамериканский Суд признал международно-правовую ответственность государства за несоблюдение прин-

³⁰ Ibid. § 312, 315.

³¹ Дело Омеара Караскаля содержит фактические противоречия, именно поэтому оно не будет рассматриваться в рамках настоящей статьи.

²⁹ Corte IDH. Caso Ramírez Escobar y otros vs. Guatemala. § 241–242.

ципа надлежащей правовой процедуры в ходе расследования смерти журналиста Нельсона Карвахалья, которое проходило на фоне безнаказанности актов насилия в отношении журналистов в Колумбии. Основная ценность этого решения состоит в комплексном анализе судебных гарантий, судебной защиты, свободы выражения мнения и права на жизнь: «...для Суда уважение и гарантия права на жизнь и свободу выражения мнения журналистов и корреспондентов тесно связаны между собой. Суд отмечает, что доводы представителей Нельсона Карвахалья и Комиссии об ответственности государства за нарушение свободы выражения мнения не отличаются от тех, которые касаются нарушения его права на жизнь. Свобода выражения мнения Нельсона Карвахалья действительно была бы затронута именно тем обстоятельством, что он не смог продолжить своё дело в связи со смертью и отсутствием расследования этого факта. Таким образом, ввиду конкретных обстоятельств данного дела определение ответственности государства за заявленное нарушение права на свободу выражения мнения должно в том числе исходить из ответственности за нарушение права на жизнь Нельсона Карвахалья»³².

6.2. Ложноположительные опознания и международно-правовая ответственность государств за деяния государственных служащих с превышением полномочий

В деле Вильямисара Дурана Межамериканскому Суду впервые представилась возможность высказаться по вопросу ложноположительных опознаний (исп.: *falsos positivos*), то есть внесудебных казней гражданских лиц, которых выдавали за участников незаконных вооружённых формирований с последующей инсценировкой их гибели в перестрелке. Колумбия признала свою международно-правовую ответственность за внесудебную казнь большинства жертв. Однако отказалась от признания своей вины за смерть одной жертвы — Карлоса Артуро Ува Веландии. При рассмотрении дела Суд впервые столкнулся

с вопросом привлечения государства к ответственности за деяния *ultra vires* должностных лиц. В связи с этим МАСПЧ указал: «По общему правилу и согласно статье 7 принятого ООН Приложения Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния поведение органа государства либо лица или организации, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти, рассматривается как деяние этого государства, в том числе если указанные лица превышают свои полномочия или нарушают указания. Из этого правила есть единственное исключение в случае, если орган либо лицо не действует в данном качестве, то есть выступает как частное лицо, что признаётся *opinio juris* в практике государств и различных международных правосубъектов.

Во-вторых, Суд считает, что широко признаваемый в международном праве критерий для определения того, в какой степени на государство можно возложить ответственность за деяния государственного органа либо лица или организации, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти, требует установления факта того, было ли указанное деяние совершено как [реальное или] кажущееся осуществление государственной власти. Для такого анализа в каждом конкретном случае могут иметь значение различные элементы, хотя ни один из критериев не является исчерпывающим: 1) находился ли государственный орган или служащий при исполнении или действовал по указанию начальства; 2) было ли рассматриваемое поведение связано с использованием обусловленных официальным положением государственного органа или служащего средств, включая полномочия, средства, оружие, оборудование, информацию; 3) существует ли вероятность того, что гражданские лица, включая жертву, думали, что государственный орган или служащий действует в официальном качестве, потому что, например, он был одет в служебную форму или вёл себя так, как будто действовал в официальном качестве. С другой стороны, мотивация поведения может свидетельствовать о частном характере или не о самом деянии, когда нет других элементов, позволяющих сделать вывод о том, что речь идёт о деянии *ultra vires*, а также о том, может ли государство контролировать или на-

³² Corte IDH. Caso *Carvajal Carvajal y otros vs. Colombia*. Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 13 de marzo de 2018. Serie C No. 352. § 176. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_352_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

правлять действия лица. Наконец, как отмечается в комментариях к статьям об ответственности государств за международно-противоправные деяния, не обязательно проводить различие между поведением внеустановленным, но всё же государственного характера, с одной стороны, и частным — с другой, в случае, если обжалуемое поведение является настолько систематическим или периодическим, что государство знало или должно было о нём знать и принять меры, чтобы его остановить»³³.

В связи с этим Суд признал ответственность государства за смерть Карлоса Ува, поскольку осуществление казни «было деянием лица, уполномоченного осуществлять элементы государственной власти, которое жертва могла разумно расценить как совершение деяния от имени государства, тем более что таковым его воспринимали часовые, которые не воспрепятствовали казни»³⁴.

6.3. Презумпция ответственности государства в случае исчезновения во время содержания под стражей государства

В деле Исасы Урибе Межамериканский Суд сослался на насильственное исчезновение, совершённое в отношении жертвы во время пребывания под стражей в государственных органах.

В этом деле, хотя Суд и использовал для анализа ссылку на свою предыдущую практику в отношении трёх обязательных элементов насильственного исчезновения, о которых говорилось выше, выделяется то обстоятельство, что исчезновение произошло во время содержания под стражей. Суд определил, что в отношении жертвы имело место насильственное исчезновение в силу действия презумпции ответственности государства по факту задержания жертвы. В связи с этим Суд постановил: «...даже если способ лишения свободы в целях квалификации насильственного исчезновения представляется неясным, любая форма лишения свободы отвечает первому элементу, и следует отметить, что в данном случае исчезновение началось с того

момента, когда предполагаемая жертва была вывезена из тюрьмы лицами, личность которых до сих пор не установлена, а не с момента заключения под стражу, которое носило официальный характер и было произведено по приказу судьи. Не предвещая вопроса, факт заключается в том, что Исаса Урибе подвергся исчезновению во время содержания под стражей в государственной тюрьме... Суд считает данную презумпцию *a fortiori* применимой к случаям, когда лицо исчезает во время содержания под стражей государства и когда действует объективная ответственность государства в отношении жизни, неприкосновенности и безопасности задержанного лица... В этой связи Суд отмечает, что Межамериканская конвенция о насильственных исчезновениях людей наряду с применимыми международными инструментами и прецедентной практикой данного Суда определяет и запрещает наиболее серьёзные формы насильственных исчезновений, что не является исчерпывающим перечнем всех возможных форм этого грубейшего нарушения прав человека и не исключает иные формы. Поэтому в некоторых случаях анализ исчезновения на основе трёх вышеназванных элементов может быть недостаточным или нецелесообразным. Так, в случаях, когда государство выполняет роль гаранта — независимо от отдельных обязанностей, определяемых для органов власти в связи с их полномочиями, — бездействие в рамках международно-правовой ответственности государства может квалифицироваться как форма насильственного исчезновения. Таким образом, в соответствии с Американской конвенцией это международное противоправное деяние можно квалифицировать в качестве ответственности государства в случаях исчезновения лиц, лишённых свободы, в связи с бездействием государственных служащих, которые обязаны были обеспечить гарантию прав этих лиц, независимо от наличия дополнительных доказательств непосредственного участия или иного согласия с происходящим...

Кроме того, всякий раз, когда есть подозрение, что находящееся в заключении под стражей государства лицо подверглось насильственному исчезновению, государство обязано незамедлительно представить достаточно убедительное объяснение произошедшему и, естественно, должно провести сер-

³³ Corte IDH. Caso *Villamizar Durán y otros vs. Colombia*. Excepción Preliminar, Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 20 de noviembre de 2018. Serie C No. 364. § 139–140. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_364_esp.pdf (дата обращения: 26.09.2019).

³⁴ *Ibid.* § 143.

ёзное расследование по факту исчезновения... По сути, в предыдущих делах Суд посчитал, что отсутствие у государства объяснения произошедшего является достаточным и разумным элементом, чтобы придать ценность доказательствам и признакам, указывающим на совершение насильственного исчезновения или, в случаях, подобных рассматриваемому делу, чтобы сделать вывод о квалификации такого деяния во время содержания под стражей»³⁵.

В дополнение к вышеизложенному Суд подчеркнул свою позицию в отношении связи между свободой объединения, в частности свободой профессионального объединения, и насильственным исчезновением жертвы. В связи с этим Суд указал: «...если нарушение права на жизнь, неприкосновенность или личную свободу направлено на воспрепятствование законному осуществлению другого охраняемого Конвенцией права, такого как свобода объединения, то деяние квалифицируется как независимое нарушение указанного права. Статья 16.1 Американской конвенции также закрепляет свободу профессионального объединения, и государство должно гарантировать свободное и без опасения подвергнуться насилию осуществление этой свободы; в противном случае будет ограничена способность групп организовываться с целью защиты собственных интересов. Более того, надо полагать, что насильственное исчезновение Исасы Урибе усилило бы запугивающее воздействие на остальных членов его профсоюза как очередное свидетельство насилия и безнаказанности деяний, совершённых против него. На этом основании Суд заявляет, что государство несёт ответственность за нарушение свободы профессионального объединения, которая входит в свободу объединения, согласно статье 16 Конвенции, в ущерб интересам Исасы Урибе»³⁶.

7. Решения по делам против Мексики

Как и в предыдущем случае, рассмотрение дел против Мексики наполнило важными

элементами практику Межамериканского Суда. В частности, Суд вынес решения по делу женщин, ставших жертвами сексуальных пыток в Атенко, по делу Альварадо Рейеса и Труебы Арсиньегги.

7.1. Гендерное насилие, сексуальные пытки, право на собрания и гендерные стереотипы

В деле женщин, ставших жертвами сексуальных пыток в Атенко, Межамериканский Суд вынес решение по целому ряду новых в своей практике вопросов, имеющих значение для межамериканского права прав человека.

Во-первых, Суд установил международно-правовую ответственность государства за незаконное применение силы в отношении жертв, которые осуществляли своё право на мирный протест. Соответственно, в отношении применения силы Суд сослался на право на мирное собрание, а именно: Суд считает, что, участвуя в демонстрации, семь жертв осуществляли своё право на собрание. Таким образом, рассматривается применение силы в отношении жертв исходя из права, закреплённого в статье 15 Конвенции. При этом Суд принимает во внимание позицию бывшего Специального докладчика Организации Объединённых Наций по вопросу права на собрания и объединение, который посчитал, что, если нарушение права на свободу мирных собраний является сопутствующим, даже определяющим фактором или предварительным условием для нарушения других прав, неизбежно затрагивается данное право как таковое, и это необходимо признать. Кроме того, как и в отношении других социально значимых прав, подчёркивается, что нарушение властями прав участников собрания оказывает серьёзное сдерживающее воздействие (англ.: *chilling effect*) на проведение дальнейших собраний и заставляет людей воздерживаться от участия в них с целью защиты от злоупотреблений, что явно противоречит обязанности государства создавать благоприятные условия для эффективного осуществления права на собрания³⁷.

³⁵ Corte IDH. Caso *Isaza Uribe y otros vs. Colombia*. Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 20 de noviembre de 2018. Serie C No. 363. § 86, 89, 92, 93. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_363_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

³⁶ Ibid. § 145.

³⁷ Corte IDH. Caso *Mujeres Víctimas de Tortura Sexual en Atenco vs. México*. Excepción Preliminar, Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 28 de noviembre de 2018. Serie C No. 371. § 172. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_371_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

В продолжение своей позиции по поводу права на свободу собраний Суд указал, что оно «не является абсолютным и может быть ограничено при условии, что вмешательство не является оскорбительным или произвольным, а предусмотрено законом, преследует законную цель (с учётом ограничений, допускаемых статьёй 15 Конвенции в интересах национальной безопасности, охраны правопорядка, защиты физического или нравственного здоровья людей, прав и свобод других лиц) и является необходимым и соразмерным»³⁸. Определив, что ограничение права на собрание в рассматриваемом деле этим требованиям не соответствовало, Суд постановил, что имело место нарушение права на свободу собраний.

Вторым в этом разбирательстве стал вопрос о гендерном насилии, по которому Суд вновь обратился к своей сформировавшейся позиции в отношении определения и степени тяжести таких деяний, а также парадигматического характера гендерного насилия и уровня пыток, до которого дошла степень тяжести в рассматриваемом деле. Дополнительное значение этого решения состоит в установлении связи между актами гендерного насилия, с одной стороны, и целью общественного контроля, ради которой они совершались, — с другой. Суд высказал обеспокоенность тем, что степень тяжести сексуального насилия в рассматриваемом деле и квалификация деяния в качестве пытки также обусловлены тем обстоятельством, что это было сделано намеренно и целенаправленно, чтобы контролировать поведение людей. В условиях вооружённых конфликтов Совет Безопасности ООН, международные уголовные трибуналы и национальные суды признали, что сексуальное насилие часто используется как военная тактика, «направленная на то, чтобы унижить, подчинить, запугать, разогнать или силой переместить гражданских лиц — членов сообщества или этнической группы»³⁹.

Аналогичным образом в рассматриваемом деле сексуальное насилие использовалось государственными служащими в качестве тактики контроля, влияния и навязывания власти. Фактически по аналогии с вышеупомя-

нутыми делами, сексуальное насилие применялось публично, со множеством свидетелей, в виде мрачного и запугивающего зрелища, в ходе которого другие заключённые были вынуждены слышать, а иногда и видеть, что делали с телами женщин.

Таким образом, Суд пришёл к выводу, что в данном деле сотрудники полиции использовали тела задержанных женщин в качестве инструментов для передачи своего послания о репрессиях и осуждении средств протеста манифестантов. На примере женщин они наглядно показали, как будут унижать, устрашать и запугивать всех тех, кто не согласен с властью. Сексуальное насилие стало очередным оружием для подавления протеста, как если бы наряду со слезоточивым газом и спецподразделениями оно было просто дополнительной тактикой для достижения цели подавления протеста и пресечения новой попытки оспорить государственную власть. Подобное поведение для поддержания общественного порядка не только предосудительно, но и абсолютно неприемлемо. Сексуальному насилию нет места в обществе, и оно никогда не должно использоваться для контроля силовиками общественного порядка в государстве, которое связано обязательствами по принятию всех необходимых срочных мер и политики, направленной на пресечение, наказание и искоренение насилия в отношении женщин в рамках Американской конвенции, Конвенции Белен-ду-Пара и Межамериканской конвенции против пыток⁴⁰.

В-третьих, Суд установил, что «грубые и сексистские способы обращения полиции с жертвами, непристойные высказывания и намёки на воображаемую сексуальную жизнь и неисполнение обязанностей в семье, а также предполагаемая потребность в “одомашнивании” свидетельствуют о глубоко укоренившихся стереотипах мачизма, которые направлены на то, чтобы свести роль женщин к сексуальной или бытовой функции, где любые попытки показать, опротестовать, изучить или задокументировать то, что происходило в Текскоко и Сан-Сальвадоре-де-Атенко, то есть простое [участие] в публичной сфере, — достаточное основание для того, чтобы их наказать, прибегнув к различным формам наси-

³⁸ Corte IDH. *Caso Mujeres Víctimas de Tortura Sexual en Atenco vs. México*. § 174.

³⁹ *Ibid.* § 200.

⁴⁰ *Ibid.* § 202, 204.

лия»⁴¹. Принимая во внимание вышесказанное, Суд постановил: «Для того чтобы гарантировать женщинам реальное и эффективное равенство, в особенности с учётом обстоятельств данного дела, и гарантировать им возможность участвовать в общественной жизни на тех же условиях, что и любой другой гражданин, государства должны принимать решительные меры по борьбе со стереотипами и дискриминацией, которые проявились в действиях сотрудников полиции при подавлении протестов 3 и 4 мая 2006 года. Учитывая то, до какой степени такое поведение обусловлено глубоко укоренившимися предрассудками и социокультурными моделями, во все недостаточным является пассивное отношение со стороны государства или просто последующее наказание, которое даже не было вынесено в рассматриваемом деле. Необходимо, чтобы государство проводило политику, реализовывало программы или механизмы для активной борьбы с этими предрассудками, равно как и для обеспечения гарантий реального равноправия женщин. В отсутствие конкретных мер по искоренению предубеждений государство их усиливает и институционализирует, что порождает и преумножает насилие в отношении женщин»⁴².

Наконец, в отношении обязанности по расследованию фактов гендерного угнетения Суд постановил: «Отказ принимать жалобы от женщин, отсутствие медицинской и гинекологической помощи, упущения медико-психологической экспертизы, в особенности при гинекологическом обследовании, а также недостаточная обработка собранных данных свидетельствуют не только о несоблюдении принципа должной осмотрительности, но и о том, что государство не проводило расследование с учётом гендерных факторов, как того требовали обстоятельства дела. Аналогичным образом, в ходе расследования по заявлениям женщин отмечались дискриминирующие и стереотипные выражения, повторная виктимизация и поведение, ограничивающее доступ к правосудию для женщин-заявитель»⁴³.

7.2. Действия военных по обеспечению общественного порядка

Наконец, дело Труебы Арсиньегги и дело Альварадо Эспиносы позволили Межамериканскому Суду сослаться на обязательства государств в отношении действий военных органов по обеспечению безопасности граждан.

В деле Труебы Арсиньегги Суд утвердил мировое соглашение, которое было представлено сторонами в ходе процесса. Мексика признала факт внесудебной казни жертвы командиром военнослужащих, остановивших транспортное средство, на котором потерпевший перемещался. В своём решении Суд одобрил мировое соглашение сторон: «...поддержание внутреннего общественного порядка и безопасности граждан в первую очередь [должно] обеспечиваться силами полицейских. Тем не менее участие в этом вооружённых сил должно носить чрезвычайный или исключительный характер, поскольку их присутствие и вмешательство в деятельность по обеспечению общественной безопасности могут создавать угрозу для прав человека. В этой связи Суд напоминает, что государство обязано обеспечить, чтобы вооружённые силы страны, уполномоченные применять законную силу, уважали права людей, подпадающих под их юрисдикцию, в соответствии со стандартами, установленными Судом. Это подразумевает ограничительное применение смертоносного оружия, а также соразмерное применение силы в тех случаях, когда это необходимо»⁴⁴.

С другой стороны, в деле Альварадо Эспиносы Суд сослался на насильственное исчезновение трёх человек и более подробно проанализировал государственные обязательства в отношении действий военных по обеспечению внутреннего общественного порядка и безопасности граждан. В связи с этим Суд отметил: «Ввиду вышеизложенного и в качестве общего правила Суд подтверждает, что поддержание внутреннего общественного порядка и безопасности граждан должно главным образом осуществляться силами гражданской полиции. Тем не менее, когда в ис-

⁴¹ Corte IDH. Caso *Mujeres Víctimas de Tortura Sexual en Atenco vs. México*. § 216.

⁴² Ibid. § 218.

⁴³ Ibid. § 310.

⁴⁴ Corte IDH. Caso *Trueba Arciniega y otros vs. México*. Sentencia de 27 de noviembre de 2018. Serie C No. 369. § 21. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_369_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

ключительных случаях для обеспечения безопасности привлекаются служащие вооружённых сил, их участие должно:

1) носить чрезвычайный характер с тем, чтобы любое вмешательство было оправданным и исключительным, временным и строго необходимым, обусловленным обстоятельствами дела;

2) дополнять функции гражданских объединений, причём их действия не должны распространяться на полномочия правоохранительных органов, судебной или ведомственной полиции;

3) регулироваться посредством правовых механизмов и протоколов о применении силы в соответствии с принципами исключительности, соразмерности и абсолютной необходимости, а также с учётом соответствующей профессиональной подготовки;

4) осуществляться под надзором компетентных, независимых и технически подготовленных гражданских органов⁴⁵.

Библиографическое описание:

Парра Вера О., Хесус Перес Э. Межамериканский Суд по правам человека: обзор практики за 2018 год // Международное правосудие. 2019. № 3(31). С. 3–17.

Inter-American Court of Human Rights: a review of practice for 2018

Oscar Parra Vera

Magistrate of the Special Jurisdiction for Peace of Colombia, Bogotá, Colombia (e-mail: oscairjp@yahoo.es).

Edward Jesús Pérez

Senior Attorney, Inter-American Institute for Social Responsibility and Human Rights, Caracas, Venezuela (e-mail: edward.jp@gmail.com).

Abstract

The submitted article presents a brief overview of the Inter-American Court of Human Rights' most important case law of 2018. As is shown in the paper, in the course of 2018, the decisions of the Court created important developments for the Inter-American law which are significant for the region. The paper considers the Court's (1) considerations on the compatibility of a presidential pardon with the international law in cases of gross violations of human rights, (2) economic, social and cultural rights, and the obligation of progressive development of those rights, (3) due process, jury duty and sexual violence, (4) women's rights, (5) international adoption. The paper then focuses on the case law of the Court concerning two specific countries: Colombia and Mexico. The multiple decisions addressed highly relevant topics such as free speech and the right to life, state responsibility for *ultra vires* acts, forced disappearances of individuals within custody, sexual torture, gender stereotypes, and law enforcement by military officials.

Keywords

Inter-American Court of Human Rights; 2018; due process; state responsibility; gross violations of human rights; gender; law enforcement.

Citation

Parra Vera O., Jesús Pérez E. (2019) Mezhamerikanskiy Sud po pravam cheloveka: obzor praktiki za 2018 god [Inter-American Court of Human Rights: a review of practice for 2018]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 9, no. 3, pp. 3–17. (In Russian).

⁴⁵ Corte IDH. Caso *Alvarado Espinoza y otros vs. México*. Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 28 de noviembre de 2018. Serie C No. 370. § 182. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_370_esp.pdf (дата обращения: 25.09.2019).